

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 98–107. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 8.821

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-98-107

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

ОБРАЗЫ ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЕЦКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

*Ахмед Магомедович Муртазалиев*¹

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
доктор филологических наук, заведующий отделом литературы
и Центром по изучению литературного наследия поэта Расула Гамзатова
ORCID: 0009-0005-6210-6948.
E-mail: ahmurt@mail.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Муртазалиев А.М., 2025

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации образов дагестанцев в турецкой мемуаристике второй половины XIX–начала XX века. Исследование построено на материале мемуарного сочинения писателя и историка Мехмеда Ариф-бея «Пережитое нами» («*Vaşımıza Gelenler*»), в котором дагестанский материал является одним из сюжето-образующих элементов. Данный источник практически неизвестен дагестанским (российским) исследователям, хотя именно произведения турецких авторов содержат интересный материал, посвященный дагестанской тематике. В эпоху больших исторических событий, какой была русско-турецкая война 1877–1878 гг., дагестанская тема была весьма актуальна для геополитики Османского государства, и связанная с ней проблематика находила отражение в турецкой литературе, особенно в мемуаристике. В статье особый акцент сделан на авторских оценках, характеристике образов героев, их поведенческих мотивов, личных и профессиональных качеств в условиях военного времени. Результаты проведенной работы позволили прийти к выводу, что в последней четверти XIX века начался процесс освоения турецкой мемуаристикой образов дагестанцев, как представителей нового социума османского общества, ставшего составной частью его исторического процесса.

Ключевые слова: Мехмед Ариф-бей, мемуаристика, русско-турецкая война, рецепция, дагестанская тема, Турция.

Для цитирования: Муртазалиев А.М. Образы дагестанцев в турецкой мемуаристике второй половины XIX – начала XX века // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 98–107. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-98-107.

Images of Dagestani people in Turkish memoirs of the late 19th and early 20th century

*Akhmed Magomedovich Murtazaliyev*¹

¹ G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
Dr. Habil. in Philology, Head of the Department of Literature and the Center for the Study of the Literary Heritage of the poet Rasul Gamzatov
ORCID: 0009-0005-6210-6948.
E-mail: ahmurt@mail.ru

© IL RAS, 2025

© Murtazaliyev, A.M., 2025

Annotation: This article analyzes the representation of Dagestani protagonists in Turkish memoirs of the second half of the 19th and early 20th centuries. The study is based on the memoir *Our Experiences* ("Başımıza Gelenler") by writer and historian Mehmed Arif Bey, in which Dagestani data plays a key role. This source is virtually unknown to Dagestani (and, more broadly, Russian) researchers, although the works of Turkish authors contain interesting sources on Dagestani topics. During a period of major historical events such as the Russo-Turkish War of 1877–1878, the Dagestani theme was highly relevant to the geopolitics of the Ottoman Empire, and related issues were reflected in Turkish literature, particularly in memoirs. The paper focuses particularly on the author's evaluations and the characterization of the heroes; it details their behavioral motivations, alongside their personal and professional traits in the context of wartime. The findings of the study led to the conclusion that the last quarter of the 19th century saw the beginning of a process in Turkish memoir writing that explored Dagestanis as representatives of a new social group within Ottoman society, becoming an integral part of its historical development.

Key words: Mehmed Arif Bey, memoirs, Russo-Turkish War, reception, Dagestan theme, Türkiye/Turkey.

For citation: *Murtazaliyev, A.M.* Images of Dagestani people in Turkish memoirs of the late 19th and early 20th century // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 98–107. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-98-107.

Введение

Одной из актуальных проблем современной компаративистики является категория «другой», «не-я», выражающийся в представлении об ином народе, культуре, менталитете, языке в литературе другого народа. Рецепция одной культурой другой детерминирует представление о чужом народе, регионе, стране, что в свою очередь постепенно складывается в определенный образ. «Национальные образы, идентичность и этнические стереотипы в современном мире входят в орбиту наиболее актуальных межкультурных и междисциплинарных вопросов» [Рябчикова 2018: 52].

Цель данного исследования – выявление особенностей рецепции образов дагестанцев турецкой мемуаристикой на материале биографического произведения писателя и историка Мехмеда Ариф-бея (1845–1897) «Пережитое нами» ("Başımıza Gelenler") [Mehmed Arif Bey 2006]. В его основу легли воспоминания автора о событиях, происходивших на востоке Турции в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Произведение Мехмеда Ариф-бея практически неизвестно

российскому читателю, и потому тема, заявленная в данной статье, никогда не была объектом специального изучения ни отечественного, ни турецкого литературоведения, что обуславливает актуальность и новизну данного исследования.

Освоение дагестанской тематики турецкой литературой связано с именем средневекового османского путешественника Эвлия Челеби (1611–1682), который впервые в своих вояжных записях подробно описал своеобразие хозяйственного и бытового уклада, языка и культуры, традиций и вероисповеданий отдельных народов приморского Дагестана. Традиции, заложенные Эвлия Челеби, дальнейшее развитие получили в турецкой мемуристике последующих поколений. В частности, дагестанская тематика широко представлена в биографических сочинениях Мурад-бея Мизанджи (1854–1917) [Mizancı 1994].

Автор книги «Пережитое нами» Мехмед Ариф-бей родился в г. Эрзурум, в семье полковника артиллерии Хаджи Омар-бея. После получения образования в своем городе он избрал профессию юриста, работал в различных учреждениях, был прокурором, судьей и инспектором в гг. Эрзурум, Стамбул и Кастамону. В 1874 году Мехмед Ариф-бей по приглашению командующего 4-й армией генерала Гази Ахмеда Мухтара-паши стал его личным секретарем и начальником канцелярии. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал Ахмед Мухтар-паша был назначен командующим Кавказским фронтом, и Ариф-бей все девять месяцев, что шла война, находился рядом с ним в гуще военных событий.

После войны Гази Ахмед Мухтар-паша был назначен чрезвычайным комиссаром в Египет (1882–1908). Сюда же вместе с ним переехал и Мехмед Ариф-бей, где он приступил к написанию своих воспоминаний. В предисловии к книге автор пишет, что вначале он намеревался дать ей название «История анатолийской войны». Но так как ее содержанием стало все то, что он увидел, почувствовал, пережил, название было изменено на «Пережитое нами».

Мехмед Ариф-бей считал себя обязанным рассказать об исторических событиях, свидетелем и участником которых ему пришлось быть. Именно это и было основным мотивом, побудившим его взяться за написание воспоминаний и издать их отдельной книгой. Вначале автор мыслил кратко описать свои приключения на войне, но тема оказалась настолько масштабной, многоаспектной и насыщенной, что в итоге биографический нарратив Мехмеда Ариф-бея вылился в трагическую историю Кавказского фронта русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Созданный на османском языке труд Мехмеда Ариф-бея не был издан при его жизни. Лишь после смерти писателя, усилиями его сыновей Нажмудина и Джелалудина [İslam Ansiklopedisi: 443] мемуары «Пережитое нами» увидели свет сначала в Каире (1903), а затем в Стамбуле (1910). В современной Турции биографическое сочинение Мехмеда Ариф-бея, переведенное на современный турецкий язык и тщательно отредактированное литературоведом М. Эртугрулом Дюздагом, впервые было издано в 1972 году.

Обсуждение и результаты

«Пережитое нами» – это целая эпопея, охватывающая значительное количество событий и состоящая из 26 глав и 758 страниц. При этом к достоинствам произведения можно отнести строгое соответствие исторической правде, факто-

графичность, хроникальность повествования, особенности развития сюжетных линий, наличие большого количества действующих лиц и пр.

Мемуары Мехмеда Ариф-бея основаны на воспоминаниях автора о событиях, которые он пережил или был их свидетелем, на результатах анализа достоверных документальных источников, а также сведениях, ставших известными ему из содержания официальных и военных документов, проходивших через его руки как личного секретаря командующего Восточным фронтом.

В книге «Пережитое нами» нашли отражение исторические события и факты, судьбы разных народов и личностей, стран и регионов, городов и сельских населенных пунктов. Во всей этой полифонии активно присутствует голос автора, его индивидуальные оценки и пристрастия.

Итоги русско-турецкой войны 1877–1878 годов для Османской империи оказались весьма плачевными, если не сказать трагическими. О них в одной из рецензий на книгу Мехмеда Ариф-бея читаем: «Величайшей катастрофой, пережитой Османской империей, была османско-русская война 1877–1878 годов, также известная как Война 93 года¹. Основными причинами этой катастрофы, в результате которой империя потеряла много территорий, были нехватка обмундирования, питания, вооружения, а также болезни и другие проблемы, которые часто игнорируются и остаются в тени. Наиболее острая из них – это некомпетентность большинства высших офицеров в командовании войсками в боевой обстановке. Однако, чтобы извлечь уроки из прошлого и формировать будущее, как того требует историческая наука, в первую очередь, нужно говорить о людях, а не о нехватке материалов, вооружения и пр. Главный секретарь Мехмед Ариф-бей, родившийся в Эрзуруме в 1845 году, провел ценное исследование, затронув эту тему в своей биографической книге “Пережитое нами”» [Karabayır 2018].

Элементом сложного сюжетно-тематического единства полифонического произведения Мехмеда Ариф-бея является тема дагестанцев. Одно лишь название «Дагестан» встречается в нем семь раз, не говоря о других мотивах и образах, связанных с этим именем. Еще в начале книги, в «Предисловии», в котором приводятся краткие воспоминания известных исторических лиц об авторе, называется и имя дагестанца Мурад-бея Мизанджи (Гаджимурад Амиров). Выходец из селения Урахи Даргинского округа, эмигрировавший из России в 1873 году, он стал впоследствии одним из видных общественно-политических, научно-педагогических деятелей и литераторов Османской империи последней четверти XIX – начала XX века. В своих воспоминаниях «Национальная борьба. Эпохи эмиграции и возвращения» («Mücadele-i Milliye. Gurbet ve Avdet Devirleri») [Mizancı 1994] Мурад-бей дал лестную оценку автору «Пережитое нами» и одному из его сыновей, доктору Хасану Ариф-бей: «Если говорить о людях, которых я должен был тотчас же записать в свою тетрадь, то это были доктор Исмаил Ибрагим-эфенди, доктор Хасан Ариф-бей, Решад-бей, фармацевт Мустафа-эфенди... Доктор Хасан Ариф-бей, сын Ариф-бея, главного секретаря Гази Ахмеда Мухтара-паши. До медицинского он учился у меня в Школе гражданских чиновников, преданный родине, острослов, полный, любящий поговорить молодой человек...

¹ В Турции известна как *Война 93-го года* (тур. 93 Harbi), поскольку велась в 1293 году от хиджры.

Кроме этих личностей, принявших участие в моих усилиях, чтобы стать членом Общества², я встречался и с другими лицами. И воспользовался их услугами. Среди тех, кто заслуживал, чтобы я склонил перед ним голову, был Ариф-бей. Это был человек большого сердца, мыслящий, очень любящий свою родину» [Mizancı 1994: 108–109].

Дагестанская тема в повествовании реализована в небольших эпизодах, рассказах, авторских комментариях через образы отдельных личностей, из которых лишь двое названы по именам: генерал Газимухамад Шамиль и майор Мехмед-бей (Мухамад-Фазиль Дагестанлы. – А. М.). Отрывочные, эпизодические сведения об этих и других персонажах второго плана, дают читателю возможность иметь о них лишь поверхностное, фрагментарное представление как о личностях инонационального происхождения, воюющих на стороне османских войск.

Обратимся к небольшому рассказу «Дагестанские всадники»: «Через полчаса с правой стороны расположения врага показалась группа всадников, идущая в нашу сторону. Внимание каждого из нас было приковано к ним. Всадники подъехали. Мы были довольны, когда поняли, что эта группа дагестанских мухаджиров, расположившаяся в окрестных селах, прибыла к нам для службы в султанской армии. У них мы расспросили о расположении врага, о его передвижении. Мы узнали, что они еще ночью ушли назад» [Mehmed Arif Bey 2006: 185].

Несмотря на скудность информации, которая содержится в приведенном эпизоде, он проливает свет на малоизвестный факт из истории дагестанской эмиграции. Оказывается, на начальном этапе переселения в Османскую империю часть дагестанцев расселялась в селах, расположенных на востоке страны, в частности в Карской области. История села Исламсор – первого дагестанского поселения, возникшего здесь в середине 1860-х годов, тому пример.

Также выясняется, что дагестанцы, не успевшие еще как следует обосноваться на новом месте, руководствуясь желанием служить в султанской армии, принимали активное участие в военных событиях на востоке Турции. И, как известно из истории, самым известным дагестанцем, участником русско-турецкой войны 1877–1878 годов на стороне Османской империи был сын имама Шамиля, дивизионный генерал Газимухаммад, командовавший кавалеристским соединением, состоявшим в основном из представителей дагестанских народов.

Если говорить о мотивах, которыми дагестанцы руководствовались, поступая на службу к турецкому султану, то они, в общем-то, известны. Основными из них были: религиозный фактор, антирусские, антихристианские настроения – в памяти мухаджиров еще были свежи трагические события, связанные с многолетней Кавказской войной, с потерей свободы, независимости. А также утверждение на территории Дагестана правления русского, христианского большинства. В дагестанском обществе бытовало мнение, что нельзя воевать с турецким падишахом, олицетворявшим духовного главу – имама всех мусульман, в том числе и Дагестана. Вот что об этом говорится в одной из русских публикаций 60-х годов XIX века: «У всех горцев султан или хункар (последний титул чаще употребляется) пользуется особым уважением и почетом. Вот как он описывается в одной горской рукописи: “Он лев высокой власти, солнце высокого правительства,

² Общество – здесь речь идет об обществе младотурок.

покровитель беспомощных, убежище притесненных и несчастных. Он осыпан высокими качествами достоинства и доблестей. Он рукоятка всех ищущих спасения и защиты, спаситель погибающих, купол ислама, опора народов, успокоитель стран и городов, исполнитель целей и желаний людей благочестивых, сламывающий шею грешников и повергающий к земле головы гордецов и притеснителей» [Сборник сведений о кавказских горцах 1869: 44].

Серьезным мотивом для перехода дагестанцев на сторону османов было их материальное положение, так как на новом месте они нуждались в значительных финансовых и материальных средствах. Все это быстро приобрести мухаджеры могли лишь в армии, благо султанское правительство неплохо оплачивало их участие в военной компании 1877–1878 годов. И, наконец, участие дагестанцев на стороне османов в русско-турецкой войне было своего рода актом благодарности стране, принявшей их как своих граждан и давшей им все необходимое, когда они больше всего в этом нуждались.

Известно, что за пределами своей родины всех представителей народов Страны гор исторически нарекали одним словом – дагестанцы. Соблюдает эту традицию на протяжении всего нарратива и автор мемуаров Мехмед Ариф-бей. И тем не менее, некоторым диссонансом звучит название одного из разделов книги – «Эпизод с кумыком», где, в нарушение традиции называть всех дагестанцев одним термином, выделяется этническая принадлежность одного из них – кумыка. «В ту ночь, когда все пошли спать, наш армейский патруль привел одного из мухаджиров кумыкского племени Дагестана... Приведенный человек возбужденно, на повышенных тонах сообщил, что на нас движется враг, который в ту ночь остановился в окрестностях села, где они проживают. Он сам пешком добрался до другого села и там добыв коня, прибыл в расположение нашей армии, чтобы сообщить эту новость» [Mehmed Arif Bey 2006: 278].

Как и в эпизоде с дагестанскими всадниками, так и в разделе о кумыке несколькими предложениями передан поступок героя, который в драматической ситуации, рискуя собственной жизнью, выполнил свой гражданский, патриотический долг – сообщил турецкой стороне о передвижении войск противника. Вероятно, поступок представителя «кумыкского племени Дагестана», а также его тюркское происхождение и религиозная принадлежность, вызвали у автора к нему особые симпатии, что послужило поводом для конкретизации в тексте его этнической принадлежности.

На русско-турецкой войне 1877–1878 годов дагестанцы впервые в своей истории с оружием в руках сражались друг против друга, защищая интересы разных государств – России и Османской империи. Так, в составе российской армии были 2 и 3 Дагестанские конно-иррегулярные полки Кавказской туземной конной дивизии. Эти части комплектовались на основе добровольности и отличались верностью присяге, мужеством и стремлением выполнить свой долг. Однако история этой войны располагает фактами, когда представители российских дагестанских полков оставляли свои части и переходили на сторону турок. Как уже было отмечено, на такой шаг их толкали различные мотивы и прежде всего стремление служить турецкому султану. Об одном таком случае в телеграмме на имя командующего Ахмеда Мухтар-паши от 25 июня 1877 года сообщается, что «трое рядовых из дагестанских мусульман, сбежав из русской армии, перешли на

нашу сторону и были зачислены в наш отряд» [Mehmed Arif Bey 2006: 339]. Хотя текст телеграммы максимально краткий, однако из него выясняется время перехода дагестанцев на сторону турок – *июнь 1877 года*, а также их количество и воинский статус – *трое рядовых* и факт их скорого зачисления в турецкую армию.

Ответ на эту высочайшую телеграмму сопровождался приложением, которое начиналось обращением командующего к войскам – «Эй, боевые друзья». В нем сообщалось об обстановке на фронте, выражалась благодарность войскам за доблесть и отвагу, а также перечислялись имена рядовых и офицеров, показавшие на войне образцовую службу. Среди названных тринадцати и более имен были и имена дивизионного генерала Газимухамада Дагестанлы и его шурина, майора Мехмед-бея Дагестанлы.

Образы этих персонажей, отдельные черты их характеров, а также личностные и профессиональные качества наиболее контрастно проявляются в различных ситуациях, в которые их ставит писатель. Об одной такой ситуации говорится в рассказе «Враг второй раз в тылу расположения наших войск», где речь идет о майоре Мухамад-Фазиле Дагестанлы. «Когда мы раздумывали над тем, как выйти из создавшегося положения, пришло известие о том, что один вражеский отряд в нашем тылу перешел Арпачай, то есть границу. Это известие произвело большой эффект. Правда ли это? Какова цель противника, перешедшего границу, его количество?.. Наконец, чтобы получить объективные данные, был отправлен Дагестанлы Мехмед-бей, шурин сына шейха Шамиля Мехмеда Шамиля-паши. Потому что Мехмед-бей пользовался большим доверием у Мухтар-паши.

Лицо Мехмед-бея светилось честностью и доверием, а о его храбрости было известно даже врагам, и они признавали это. По прошествии изрядного времени вернулся и Мехмед-бей. Он сообщил, что враг идет прямо к горе Шашыроглу, численностью двенадцать батальонов и, по его мнению, у них есть артиллерия и кавалерия» [Mehmed Arif Bey 2006: 524].

Из содержания приведенного рассказа перед читателем вырисовывается образ храброго, честного, знающего свое дело офицера, пользующегося доверием своих боевых соратников и готового выполнить поставленную перед ним задачу. В условиях, когда многие турецкие офицеры демонстрировали свою некомпетентность и бездарность, о чем говорится в мемуарах, такие офицеры, как майор Мехмед-бей, были на вес золота. Как выясняется, о его храбрости известно и противнику, и это вызывает у него уважение к Мехмед-бею. В силу этих и других качеств, как отмечает автор, «этот дагестанец пользовался полным доверием Мухтара-паши» [Mehmed Arif Bey 2006: 524].

Дополнительные черты к образу Мехмед-бея придает авторская сноска, из которой читатель узнает дальнейшую судьбу героя после описанных в мемуарах событий: «Этот Мехмед-бей через некоторое время, будучи адъютантом султана Абдулхамид-хана, дослужился до звания полковника. Теперь, как мы слышали, он командует Багдадским гарнизоном» [Mehmed Arif Bey 2006: 524].

В таком же фрагментарном стиле изображен в мемуарах образ другого дагестанца, сына имама Шамиля, дивизионного генерала Газимухамада. Из тех небольших эпизодов, кратких зарисовок, авторских комментариев, что разбросаны по всему тексту произведения, где упоминается герой, предстает образ боевого, смелого командира, находящегося в гуще горячих событий и рискованных опе-

раций. Автор явно симпатизирует этому персонажу второго плана, но при этом бросается в глаза его несколько поверхностный подход к написанию имени героя, отсутствие единообразия в его передаче на письме: Гази Мехмед-паша Шамиль, Гази Шамиль, Мехмед-паша Шамиль, Гази Шамиль Мехмед-паша, Шамвил Мехмед-паша, Гази Шемовил Мехмед-паша. Здесь явно сказывается отсутствие на тот период в турецком обществе четко регламентированной нормы, регулировавшей правописание имен и фамилий граждан.

Первая картина, в которой читатель встречается с генералом Газимухамадом, называется «Чтобы помочь». В ней читаем: «Чтобы помочь нашим кавалеристам, выделили кавалеристов генерала Гази Мехмеда-паши Шамиля. Через некоторое время, по мере необходимости, отправили и других кавалеристов. Таким образом, сражение сильно накалилось. Враг открыл мощный артиллерийский огонь по нашим кавалеристам» [Mehmed Arif Bey 2006: 383]. Содержимое рассказа касательно генерала Газимухамада дополняет информация о нем из авторской сноски: «Этот Шамвил Мехмед-паша, сын известного шейха Шамиля, воевавшего на Кавказе много лет с Россией. После смерти отца, оставив Россию, переселился в Османскую империю. С присвоением звания генерала, он был принят нашим государством» [Mehmed Arif Bey 2006: 383].

В одной из телеграмм командующего Кавказским фронтом маршала Гази Мухтара Ахмеда-паши от 24 октября 1877 года сообщается, «что при очередном наступлении русских войск на одном из участков фронта, большая часть находившихся там турецких всадников и офицеров сбежала с поля боя. В результате, оставшиеся полторы сотни всадников были отданы под командование Гази Мехмед-паши Шамиля» [Mehmed Arif Bey 2006: 575].

О том, как проявляли себя на войне генерал Газимухамад и дагестанцы под его началом читаем в следующих эпизодах: «Как только Хаджи Рашид-паша начал преследовать врага, находившийся на правом фланге командир кавалерии генерал-майор Гедик Али-паша и генерал-майор Гази Мехмед Шамиль-паша с левого фланга атаковали отступающего врага» [Mehmed Arif Bey 2006: 397]. «Как бы там ни было, это ужасное положение, печальная картина не длилась больше часа. Наши войска победоносно поднялись на вершину холма. Первыми поднявшимися были дагестанские кавалеристы генерал-майора Газимухамада-паши, сына шейха Шамиля...» [Mehmed Arif Bey 2006: 412].

Как явствует из сведений, которые приводит в своих мемуарах Мехмед Ариф-бей о генерале Газимухамаде Шамиле, он не только участвовал в сражениях, успешно командовал вверенным ему воинским подразделением, но также был одним из высокопоставленных фронтовых офицеров, принимавших участие в оперативных совещаниях высшего командования турецкого Кавказского фронта. «В ту ночь под руководством Мухтара-паши состоялось совещание, в котором приняли участие генералы Исмаил, Мустафа Сервет, Гази Шамиль, Капитан Мехмед. В собрании участвовали также известный поэт Ферик Казым и представитель генерального штаба Акиф-паша» [Mehmed Arif Bey 2006: 581].

В контексте исследуемой темы вызывает интерес небольшой рассказ под названием «Лезги-ага». В нем речь идет о представителе кочевого племени джамадан некоем Лезги-ага, который ночью 24 июня 1877 года во главе сорока всадников отправился на разведку. На рассвете Лезги-ага и его отряд наткнулись на

русский конный разъезд. Между противниками произошло сабельное сражение, которое продолжалось до восхода солнца. В результате этого боестолкновения русские потеряли девять человек убитыми, а у турок один – убитый и трое раненых. По словам писателя, данный эпизод он привел, чтобы продемонстрировать, как рядовое событие, наделавшее много шума, чуть ли не стало поводом для поднятия в атаку всей войсковой кавалерии.

В этом коротком рассказе обращает на себя внимание имя героя – Лезги-ага. Сразу же возникает вопрос: откуда здесь, на просторах турецкой Анатолии, среди кочевников имя, по своему происхождению ассоциирующееся с Дагестаном, с общим названием на тот период его горских народов? Что послужило поводом для наречения члена кочевого племени этим чуждым, таким странным в этих краях именем? На эти вопросы в произведении нет никаких комментариев или пояснений.

Заключение

Итак, несмотря на то, что в книге Мехмеда Ариф-бея «Пережитое нами» дагестанская тема занимает небольшое место, она органично вплетена в текстовую ткань произведения, внося тем самым свой вклад в насыщение его содержания новыми для турецкого читателя инонациональными реалиями. Образы дагестанцев как элементы сюжетно-тематического единства исследуемого произведения проливают свет на малоизвестные факты из истории дагестанской диаспоры Турции, судеб ее представителей – людей, в силу различных обстоятельств оказавшихся на чужбине и втянутых в трагические события эпохи, к каким относится и русско-турецкая война 1877–1878 годов.

Биографическое сочинение турецкого писателя с точки зрения рецепции в нем образов дагестанцев представляет собой важный вклад в дагестанско-турецкий межлитературный диалог, активизация которого приходится на вторую половину XIX века.

Литература

- Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Издание Кавказского Горского Управления (/Издание Кавказского Горского Управления), 1869. – Вып. 2. – С. 1–44. {Collection of Information about the Caucasian Highlanders. – Tiflis: Caucasus Highland Headquarter, 1869. – Issue 2. – Pp. 1–44.}
- Рябчикова 2018 – Рябчикова Е.Е. Имагология как раздел литературоведческой компаративистики // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 52–59. {Ryabchikova 2018 – Ye.Ye. Ryabchikova. Imagology as a Part of Comparative Literary Studies // Slovo.ru: Baltic accent. – 2018. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 52–59.}
- İslam Ansiklopedisi. – İslâm Ansiklopedisi. – 28. Cilt. – İstanbul: İslam Araştırmaları Merkezi, 2003. – 560 s. {Encyclopedia of Islam. – Vol. 28. – Istanbul: Center for Islamic Studies, 2003. – 560 p.} (In Turkish.)
- Karabayır 2018 – Karabayır, Ömer. Mehmed Ârif Bey. Başımıza Gelenler – 93 Harbinde Anadolu Cephesi. Ruslarla Savaş [Мехмед Ариф Бей. Что с нами произошло: Анатолийский (/Кавказский) фронт в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Война с русскими] // Tarih Kritik Dergisi. – Yıl 2018, Cilt: 4 – Sayı: 4, 35–38. {Karabayır 2018 – Karabayır, Ömer. Mehmed Arif Bey. What Happened to Us – The Anatolian Front in the 93 War. War with the Russians // Journal of History Criticism. Year 2018, Volume: 4 – Issue: 4, 35–38.} (In Turkish.)

- Mehmed Arif Bey 2006 – *Mehmed Ârif Bey*. Başımıza Gelenler – 93 Harbinde Anadolu Cephesi Ruslarla Savaş. [Что с нами произошло: Анатолийский (/Кавказский) фронт в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Война с русскими.] – İstanbul: İZ Yayıncılık, 2006. – 758 s. {Mehmed Arif Bey 2006 – *Mehmed Arif Bey*. What Happened to Us – The War with the Russians on the Anatolian Front in the 93 War. – İstanbul: İZ Publishing, 2006. – 758 p.} (In Late Ottoman Turkish, transl. to modern.)
- Mizancı 1994 – *Mizancı Murad*. Mücadele-i Milliye. Gurbet ve Avdet Devirleri. [Национальная борьба. Периоды эмиграции и возвращения на Родину.] – İstanbul: Nehir Yayınları, 1994. – 334 s. {Mizancı 1994 – *Mizancı Murad*. The National Struggle. Periods of Exile and Return. – İstanbul: Nehir Publications, 1994. – 334 p.} (In Late Ottoman Turkish, transl. to modern.)